

№ 4. С. 48–65; *они же*. Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134.

⁶ *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного «круглого стола» (третьего заседания теоретического семинара «Крестьянский воп-

рос в отечественной и мировой истории») // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Учёные записки. 2013. Вып. 8. М., 2013. С. 386–440.

⁷ *Бабашкин В.В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 38.

Евгений Кодин

Рец. на: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolshevics, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.*

Evgenii Kodin

(Smolensk State University, Russia)

Rec. ad op.: J.A. Getty. Practicing Stalinism: Bolshevics, Boyars, and the Persistence of Tradition. New Haven: Yale University Press, 2013. 359 p.

Монография известного американского историка, профессора Калифорнского университета в Лос-Анжелесе посвящена проблеме персонификации власти в России. Работа начинается с описания Красной площади, архитектурный ансамбль которой представляется читателю как пример удачно «работающего» сочетания российского традиционализма и современности, что, по мнению автора, олицетворяет собой в России всё, включая политику.

Содержательную часть книги автор сам определяет как собрание связанных между собой очерков о конкретных неформальных и архаичных политических практиках российской элиты, находящих своё отражение в политических «кланах» и «семейственности» (р. 2). В основном он сосредотачивается на «патримониальной персонификации власти» (р. 3). Гетти основывается на теории М. Вебера, который «где-то между традиционной и харизматической формой автократии» отмечал ещё и автократию патримониальную как форму традиционного доминирования личности. На уровне государственной власти это означает, что государство ассоциируется не с учреждениями, а с

конкретной личностью. В этой связи сам автор заявляет, что вся его работа как раз и свидетельствует о том, что «сталинская политика являлась патримониальной», и что в работе в основном исследуется «специфический случай патримониализма – персонификация политики» (р. 6).

В поисках исторических аналогий автор часто уходит очень глубоко в российскую историю, иногда вплоть до норманнского периода. Так, например, именно отсюда он выводит клановость системы государственного управления в России. Патронажно-вассальная система была присуща всей Европе, замечает автор. Но в отличие, например, от французской аристократической Фронды эпохи Людовика XIII в России местные князья и боярская знать всегда счастливо и взаимовыгодно сосуществовали с высшим монархом (р. 13). Власть московского князя не ограничивали ни парламент, ни иные институты, что одновременно устраивало и элиту. Почему? Потому что «абсолютизм и олигархия стали российским структуральным и функциональным ответом местной анархии... Князь нуждался в боярах, и они нуждались в нём» (р. 14).

* *Гетти Дж.А.* Сталинизм в действии: большевики, бояре и живучесть традиции. Нью Хейвен: Издательство Йельского университета, 2013. 359 с.

Такой подход автор переносит и на советский период. Когда верхушка старых большевиков пришла к руководству страной, она тоже думала о себе как об элите, как о корпоративной и привилегированной группе, пишет Гетти (р. 15). В ходе Большого террора Сталин физически уничтожил лидеров этих кланов, но он не смог уничтожить «саму идею патримониального кланового управления» (р. 16). Хотя следом автор делает оговорку, что в сравнении сталинских практик с эпохой Московского государства есть определённый риск игнорирования особенностей социальных, экономических и иных контекстов разных исторических периодов. Однако в целом, заключает Гетти, политические практики были схожими (р. 19).

По каким линиям проводится в книге такое сравнение? Их несколько. Например, древние челобитные и письма «во власть» советского периода. Пришедшие из монгольских времен челобитные, как и письма 1930-х гг., «отражают патримониальное понимание власти». Адресатами здесь всегда были люди во власти, а не властные учреждения. Власть всегда была персонафицированной, «дела делались людьми, а не учреждениями» (р. 28). И эту линию автор проводит вплоть до президентства В.В. Путина, который, по его оценкам, положительно реагируя на письма и просьбы граждан, демонстрирует тем самым, что справедливость исходит от него «как дар, основанный на милосердии и власти» (р. 33).

Затем автор обращается к вопросу коллективной ответственности. Он отмечает, что её придумали не большевики, не Сталин, и даже не Иван Грозный. Практика коллективной ответственности и круговой поруки имеет давнюю традицию в русской истории. Это нашло своё отражение ещё в «Русской Правде». Затем монголо-татары ввели коллективную ответственность за сбор налогов на уровне государства, города и местного сообщества. И через столетия круговая порука дошла и до нынешней России, «стала частью политического пейзажа, частью культуры» (р. 44). В чём суть круговой поруки в политике? Падение одного означает и падение целой группы вокруг него.

Такое её понимание сохраняется в России и сейчас (р. 44).

Параллельно шло и отторжение олигархии от остальных слоёв общества. Изначально это произошло ещё в те времена, когда после прихода викингов образовалась нормано-русская олигархия, которая никогда не считала, что имела хоть что-либо общее с простым народом. Знать оставалась знатью всегда. С точки зрения социологии и антропологии, считает Гетти, провести параллели между старыми большевиками и старой русской княжеской аристократией вполне возможно (р. 45).

Почему политический культ руководства находит такую благодатную почву в России, задается вопросом Гетти? И даёт следующий ответ. Русское слово «государство» происходит от слова «государь», а раньше – «господарь», т.е. «владелец, хозяин». В таком патримониальном понимании управления князь (позже царь) являлся владельцем страны как своей наследственной патримониальной вотчины, а бюрократия воспринималась как служивые люди (р. 83). Отсюда и частая характеристика Сталина как Хозяина. А культ Путина дополняется ещё и его личностной харизмой (р. 89).

Культ руководителей был в России всегда: «мы видим такое понимание политики и управления от Юрия до Путина, на всех уровнях иерархии во все времена и везде это было неизбежно. Это была глубокая структура, посредством которой Россия управлялась всегда» (р. 95). Когда М.С. Горбачёв попробовал изменить понимание государства и природу политической практики, то его воспринимали как будто заговорившего на языке сухих. Его никто не понял, и он проиграл. Путин вернулся к понятному языку, и он у руля (р. 95).

Будучи персонафицированной на самом верху, власть по той же схеме ретранслировалась и на местах. Автор показывает «маленьких Сталинов» на примере партийного лидера Западной области И.П. Румянцева. У региональных руководителей были друзья и сторонники в ЦК. Они были довольно весомыми политиками, с которыми даже Сталину «приходилось считаться» (р. 180). Но полностью

свободными в своих действиях они никогда не были. Своеобразным инструментом контроля над местными «князьками» являлся региональный руководитель от центральной комиссии партийного контроля (КПК). Борьбу этих двух ветвей власти Гетти детально показывает на примере противостояния секретаря Западного обкома партии И.П. Румянцева и руководителя КПК Л.А. Папарде. К весне 1937 г. между местным КПК и партийным комитетом развязалась настоящая война, вылившаяся в драматичное межличностное противостояние между Румянцевым и Папарде. Подобное происходило и в других регионах. Исход борьбы было трудно предсказать. И тогда у Сталина остался один способ решения проблемы, заключает Гетти, он развязал террор (р. 205).

При этом внешне всё выглядело как значительные уступки Сталина требованиям «местных баронов» по предоставлению им права на репрессии в отношении тех, кто мог подорвать партийную и советскую власть в ходе предстоящих выборов в Верховный Совет в 1937 г. Казалось, что местные олигархи выиграли сражение за предстоящие массовые операции по приказу № 00447. Но в итоге они проиграли. Сталин дал им право на репрессии, но обратил репрессии и против них (р. 236).

Сталин уничтожил кланы. Но система управления осталась прежней, считает автор. Многие из имевших место практик продолжают и сегодня, пережив Советский Союз. Их живучесть кроется в глубокой традиции всей российской истории, поскольку «иногo пути управлять Россией никогда не существовало» (р. 267).

В книге много исторических параллелей. Некоторые из них уместны, другие выглядят неисторично и искусственно (например, почти прямые аналогии меж-

ду думскими дьяками в приказах и персоналом Орграспредотдела ЦК ВКП(б); между собраниями знати и секретариатом ЦК; между ближайшим окружением царя и Политбюро ЦК; непосредственно между Сталиным и царём). Чрезмерно увлекшись слабо исторически обоснованными сравнениями и аналогиями, в конце книги Гетти вообще покидает почву исторической науки. «Клановая природа российской высшей политики жива и здравствует в современной России» – пишет он (р. 274). В сегодняшней борьбе кланов Путин стоит «над схваткой». То же самое делали и московские великие князья с боярскими кланами, и цари с придворными группами, и генеральные секретари – с партийными «семейными кругами» (р. 274). Ничего не изменилось, заключает автор.

Так же как и прежде, «Путин ассоциируется с государством, а государство с ним» (р. 280). Автор не вкладывает в это какого-либо негатива и так же нейтрально констатирует, что России и не нужна другая система управления. В России управляют патримониальные клановые группы. Они просто используют государство как инструмент управления. А по сути, «они и есть государство» (р. 291).

В работе Гетти нет каких-либо поучений для нынешней российской политической элиты. По его словам, он лишь подчеркивает «особую природу российской политической культуры». Однако ангажированность автора налицо. К сожалению, приходится констатировать, что авторитетнейший специалист по сталинской эпохе в данной работе настолько увлекся схематизацией российской политики и историческими аналогиями, что история в ней оказалась в очень большой степени поставленной на службу политике и идеологии.